

Умри со мной

Автор:

Ана Фогель

Умри со мной

Ана Фогель

Очередным пасмурным утром семнадцатилетняя Мэднесс Уоррен обнаруживает отсутствие своей матери и немногословную записку от неё. Теряясь в догадках и страхах, она пытается создать подобие нормальной жизни вокруг себя. Но с внезапным появлением двух подозрительных новичков в школе, тайны прошлого начинают всплывать одна за другой, а её жизнь начинает зависеть лишь от их решения.-Но-смерть-кажется-весьма-привлекательной,-если-у-неё-синие-глаза.-

Ана Фогель

Умри со мной

СТ?ТИК?

--1-

Темнота и шум обволакивают меня. Я закрываю глаза и запрокидываю голову назад. Алкоголь маленькими шажками бежит по венам, поражая сначала сердце, а затем мозг. Я больше не чувствую хроническую боль, я больше не слышу свои мысли, составляющие мне постоянную компанию. Открываю глаза, поднимаю потяжелевшую голову и смотрю на мир сквозь туман.

Люди.

Кого-то из них я знаю. Кого-то видела несколько раз. Кого-то впервые.

Со скрипом сухожилий поворачиваю голову вправо. Рядом со мной на диване сидит парочка, чьи лица расплавились в горячем поцелуе, слившись в одно целое. Слева в облаке дыма и горечи рыжеволосый парень затягивает косяк.

Я ныряю в красный пластиковый стаканчик, который держу в руках, и купаюсь в тёмной жидкости, предвкушая жжение на языке. Медленно выдыхаю воздух из лёгких и делаю глоток, осушая пластиковые берега. Морщусь, борясь с отвращением к терпкому вкусу и самой себе.

Обычно я не пью так много.

Обычно я наблюдаю за теми, кто пьёт. За своими ровесниками, которые беззаботно вычёркивают из своих жизней пятничный вечер, превращая часы в вечность, длящуюся лишь до рассвета.

И я была частью этого.

Посещение вечеринок стало своего рода моим хобби. Побегом от гнетущей реальности и в то же время иллюзией причастности к ней. Занимая место где-нибудь в тёмном уголке, я могла быть одна и со всеми одновременно.

– Будешь? – Хриплый голос пронзает дым и добирается до моих ушей.

Я лениво поворачиваю голову на звук. Рыжеволосый парень протягивает мне тлеющую самокрутку. Я отказываюсь, понимая, что на сегодня с меня достаточно, и встаю с дивана. Надо найти Кэтрин. Мир на секунду переворачивается с ног на голову, и я едва не теряю равновесие. Но резкая боль в коленке, словно удар током, заставляет сократиться все мышцы, удерживая меня в вертикальном положении. Я смотрю вниз на свою левую ногу. В дыре порванных колготок блестит липкая и тёплая жидкость. Ирония в том, что я

упала до того, как успела напиться.

Я делаю шаг, боль почти не чувствуется.

. Ещё один шаг, и я оказываюсь среди извивающихся тел. Вечеринки Брайана Купера всегда были грандиозными. Алкоголь, травка и огромное количество людей превращали это место в эпицентр развратного веселья. Страшно представить, сколько десятиклассниц лишилось девственности в одной из комнат на втором этаже.

Меня бросает из стороны в сторону, когда я наталкиваюсь на двигающихся под музыку людей. Стоять на ногах становится всё сложнее. Вокруг моего запястья смыкается кольцо из чьих-то горячих и мягких пальцев. Они прилипают к моей коже словно пластилин. Я чувствую резкий рывок и в следующую секунду вижу перед собой довольно высокого парня. Вообще-то с моим ростом мне все кажутся высокими. Приходится поднять глаза и дожидаться, когда линии приобретут чёткость и образуют лицо. Лицо самого Брайана Купера – короля импровизированного ада. Его губы расплываются в улыбке, а я расплываюсь в его руке и утекаю сквозь пальцы.

- Привет, – кажется, говорит он.

- Привет, – кажется, отвечаю я.

Он наклоняется ближе, чтобы я могла его слышать.

- Ты ведь пришла сюда с Кэтрин, верно? – Его слова покалывают где-то в области моей грудной клетки. Он третий за сегодня, кто спрашивает меня о ней. – Не знаешь, где она?

Разве могла быть другая причина, почему ко мне подошёл один из самых популярных парней школы?

Нет.

Я глотаю лёгкий осадок разочарования и стараюсь прозвучать беззаботно.

– Нет, – перекрикиваю музыку. – Если увидишь Кэтрин раньше меня, скажи, что её ищет Мэднесс.

– Как? – переспрашивает Брайан, не глядя на меня. Его взгляд уже блуждает по лицам в поисках девушки.

– Неважно, – бормочу я и оставляю Брайана на растерзание толпе. Ненавижу называть своё имя. Каждый раз одна и та же реакция. Но я их не виню. Как только я начала понимать значения слов, я первым делом спросила у своей мамы, почему у меня такое странное имя. Она оправдала эту оплошность тем, что решила назвать меня в честь бабушек. Обеих сразу. Мэдисон и Ванесса. Ни одну из них я ни разу не видела.

Я с трудом добираюсь до кухни, где относительно тише и светлее. Обычно надолго здесь не задерживаются, приходя лишь за очередной порцией спиртного. Кэтрин тут не оказалось, а меня начало мутить – последние два стаканчика виски были лишними. Кухня пляшет перед глазами, и мне хочется лечь на пол и свернуться в клубочек, чтобы остановить эту беспощадную карусель. Мне кажется, я почти это делаю, как вдруг кто-то окликает меня.

– Эй. – Звук, небрежный и густой, касается моего затылка.

Я оборачиваюсь, кухня вращается вместе со мной. В какой-то момент пейзаж из стен сменяется портретом. Я поднимаю голову вверх и смотрю на главный акцент этой картины. Пара синих/глубоких/уставших глаз наблюдает за мной из-под густых пшеничных бровей. Такого же цвета волосы неаккуратно перекинута набок, а несколько непослушных прядей падают на лицо, почти доставая до его острого подбородка. Эта длина резко контрастирует с практически выбритыми висками, придавая парню небрежный вид. Он хорош. Может, немного не в моём вкусе, но чертовски хорош. А это означает, что существует лишь одна причина, почему он заговорил со мной.

Пухлые губы парня медленно размыкаются, и прежде чем он успевает что-то сказать, я опережаю его:

– Я не знаю, где Кэтрин.

– Что? – Его брови сдвигаются к переносице, а лицо принимает ещё более недовольный вид. – С тобой всё в порядке? – спрашивает он, ощупывая меня беглым взглядом. Среди слов закрадывается лёгкий, едва уловимый британский акцент.

Уже долгое время я пребываю в стабильно тяжёлом состоянии, которое стало настолько привычным, что я считала его нормой.

– Да, – произношу я, всё ещё находясь в плену его синих глаз. Только они удерживают меня от того, чтобы не сдаться гравитации.

– Тогда будь добра, отойди от холодильника.

Я моргаю пару раз, в попытке понять смысл его слов. Парень нетерпеливо вздыхает, хватая меня за плечо и резко дёргает в сторону. Внутренности встряхиваются, и я едва не выплёвываю их наружу. Парень открывает холодильник, достаёт оттуда бутылку пива и возвращает своё внимание мне. Он делает глоток из горлышка, наблюдая за мной, а я наблюдаю за его кадыком, который подскакивает на его

длинной жилистой шее. Изучив меня, всё, что вызывает у парня интерес, это мои ноги. Если быть точной, одна из них.

– Ты упала? – спрашивает он, кивком указывая на мою коленку.

– Да. – Язык тяжёлый и неповоротливый.

Блондин хмурится, продолжая смотреть на остывшую кровь.

– Как давно?

Мне становится неуютно от того, с какой заинтересованностью он смотрит на то, что другие посчитали бы уродством. Я ёжусь, кутаясь в джинсовку, которая

велика мне на два размера, но даже она не помогает мне скрыть колени.

– Тебе точное время назвать? – язвлю я, тем самым заставляя парня взглянуть на себя. И тут же жалею об этом. О том, что он снова смотрит. Слишком долго и слишком... подозрительно.

– В идеале, – жёстко произносит он, буквально выстреливая в меня своим взглядом. Свинец попадает в лёгкие и разрывается внутри. Я не дышу.

Это не похоже на шутку. Либо он жутко пьян, либо псих. Ни с тем, ни с другим вести беседу желания нет.

– В двадцать два часа тридцать минут и девятнадцать секунд по местному времени, – я нанизываю случайные цифры на нить событий. Или почти случайные. Это действительно случилось примерно в десять вечера перед началом вечеринки. Я споткнулась о бордюр и приземлилась на асфальт. Не на газон возле дома, как могло бы быть.

Парень продолжает смотреть на меня как на диковинную вещь. Его глаза сужаются, встречаясь с моим взглядом. У меня чувство, будто я что-то ему сделала, невзирая на то, что видела впервые.

Нервно облизываю свои губы, пробуя на вкус красную помаду. Я немного наклоняю голову вниз, позволяя длинным волосам, словно чёрным занавесам, скрыть моё лицо.

– Как тебя зовут? – спрашивает блондин, словно я на допросе в суде.

Даже если бы я хотела ответить – а я не хотела – я бы не смогла. Я моргаю, но глаза больше не открываются. Меня затягивает темнота, усталость разливается по моим мышцам, я ощущаю полёт и отдаюсь невесомости, как вдруг резко на что-то натыкаюсь. На что-то твёрдое, но такое тёплое и приятное. Оно обволакивает меня, будто чьи-то объятия, и мне больше не хочется просыпаться.

Никогда.

А потом я просыпаюсь.

В моих глазах пепел и тушь. Во рту пустыня. Губы завяли. С трудом размыкаю их, чтобы сделать глоток кислорода. В комнате тишина, висит застойный воздух. Я не дома, но и не в эпицентре вечеринки, где себя помнила последний раз. Осторожно встаю с кровати. Двухспальной кровати. Но я одета. Смею надеяться, что меня никто не изнасиловал.

Я спускаюсь на первый этаж. Раннее утро пролило свет на ночную идеальность, обнажая безобразную суть. От безрассудного веселья остались лишь мусор и бессознательные тела. Что почти одно и то же. Я буквально перешагиваю через них, пробираясь к выходу, и только смертельное желание оказаться в горячей ванне и мягкой постели помогает мне добраться до дома.

ПРИЗР?КИ

--2--

Суббота? Не помню, была ли она. День растворился в тумане, пока я растворялась во сне, тщетно пытаюсь предаться забвению. Организм восстанавливал свои силы, пока я мечтала пролежать без движения остаток жизни.

Зато воскресное утро я ощутила остро. Желание завтракать мгновенно испарилось, когда я в очередной раз заметила оставленную мамой записку. Я снова перечитываю слова, написанные крупным и аккуратным почерком на клочке бумаги, прикреплённом к холодильнику магнитом.

«Мэдди,

Я морщусь.

Это решение далось мне нелегко, но у меня нет другого выбора. Это не тот случай, когда я могу рассказать тебе всё лично или позвонить по телефону. Я отключила его. Мне нужно уйти. Почему и куда сказать не могу. Не сейчас.

Просто знай, что со мной всё в порядке. Я вернусь, когда придёт время. А пока умоляю, будь осторожна.

Люблю,

мама.

Буквы складываются в слова, а слова в вырванные из драматического фильма фразы. Это не моя жизнь. Это не моя мама.

Я продолжала делать вид, будто верю, что с ней всё хорошо. Топила дурные мысли в алкоголе и посещала случайные вечеринки.

Но каждое утро трезвая ясность наносила очередной удар.

P.S.: Я оставила тебе деньги на первое время. Еда в холодильнике. Только пообещай, что будешь есть, ты очень худая».

Я закатываю глаза. Теперь я узнаю свою маму, которая пытается накормить меня при любых обстоятельствах. Но сейчас мне кусок в горло не лезет.

Я делаю себе чашку чёрного кофе и поднимаюсь в свою комнату. В свой крохотный мир, где одиночество не ощущается так остро.

Наш дом не большой, но теперь, когда я осталась в нём одна, воздух ложится на плечи холодным и тяжёлым покрывалом. Пустое пространство угнетает и давит на грудную клетку.

Я заползаю в кровать с ноутбуком на коленях и проверяю свой блог. Два новых заказа на портрет. Это означает, что на какое-то время у моих действий появится смысл, а счёт на карте пополнится на несколько долларов.

Я беру альбом с прикроватной тумбочки, выдвигаю ящик и вылавливаю простой карандаш из разноцветного моря, на дне которого покоится ластик.

Рисование – мой побег. Пока я рисую, меня не существует. Есть только белый лист, на котором расползаются серые мысли. Штрихи сплетаются в линии, а линии в лица. Чужие/печальные/заблудшие. Я никогда не знаю, что рисую. За исключением заказов, которые на время заставляют меня поверить, что моё занятие не бесполезно.

Я просто рисую. Рисую. Рисую.

Но это не помогает. Делать вид, что всё нормально, не помогает. Мама ушла. И мир будто замер в ожидании неё. Я замерла вместе с ним.

Мы не были с ней подружками. Мы редко виделись, потому что работа шеф-поваром в ресторане Олимпии вынуждала её покидать дом рано утром и возвращаться поздно вечером. И меня это устраивало. Я просто знала, что она у меня есть. А теперь? Теперь у меня нет никого.

Прошло восемьдесят четыре часа в заточении собственного разума, и мне уже начинало казаться, что я наслаждаюсь этим состоянием. Ощущение изощёренной свободы медленно и безболезненно убивало все чувства и эмоции.

Так легко.

У одиночества вкус кофе. Приятная горечь на языке и на сердце.

Мама ушла. Это ведь был её осознанный шаг, её выбор, верно? Уверена, есть что-то, что заставило её это сделать. Но она в порядке. Значит, буду и я.

В дверь на первом этаже раздаётся стук. Мощный и настойчивый. Я вздрагиваю и теряю баланс между отчаянием и полным безразличием, падая в пропасть страха. Кто это может быть?

Я на цыпочках спускаюсь на первый этаж. Снова раздаётся стук в дверь, а стук моего сердца на мгновение прекращается. Воскресенье. День. Воры не будут услужливо стучать, прежде чем войти. А убийцы, скорее всего, дождутся ночи.

Я приоткрываю входную дверь, выглядывая в небольшую щель. На крыльце стоят двое высоких мужчин в возрасте около сорока. На них классические костюмы под старомодными длинными плащами, а на лицах непроницаемые маски.

- Вы что, ребята, из ФБР? - удивляюсь я. - Не думала, что уже за мысли об убийстве сажают, - шучу я.

Мужчина в сером костюме издаёт сухой смешок, который больше похож на выдох, а его полноватые губы искривляются в вымученной ухмылке.

- Здесь проживает Сьюзен Уоррен? - спрашивает он, игнорируя мою колкость.

Тело немеет, и я чувствую отторжение собственного разума. Тошнота подступает к горлу.

-

Она кого-то убила? - снова отшучиваюсь, пуская пыль в глаза не только этим типам, но и самой себе. Я отказывалась верить, что с ней могло что-то случиться.

- Так вы её знаете? - Второй мужчина - тот, что пониже и коренастей, - делает нетерпеливый шаг вперёд. Блондин в сером останавливает его, кладя руку ему на грудь.

- Во-первых, расслабься, мы не из ФБР, - терпеливо объясняет он, и я узнаю в нём дипломата. Того, что сможет убедить любого в своей правоте спокойным и авторитетным тоном. Который, сохраняя хладнокровие, заставит оппонента утопить самого себя. - Во-вторых, нам бы хотелось бы поговорить со Сьюзен Уоррен.

Мне не нравятся люди. Незнакомые люди мне не нравятся ещё больше. Эти двое не вызывают никакого доверия.

- Её нет. Могу я ей что-то передать?

- Где она? - В разговор вновь вступает нетерпеливый мужчина. Второй смеряет его многозначительным взглядом, однако ничего не говорит. Вопрос висит в воздухе, и я понимаю, что должна ответить.

- Она в отъезде, - уклоняюсь я. Рука нервно сжимает ручку. Я готова закрыть дверь в любой момент. - Как вас представить?

Оба не слишком довольны моим ответом. Как последующим и вопросом.

- Когда она вернётся?

Я щурю глаза, с недовольством глядя на шатена. Заметив это, мужчина в сером вновь берёт инициативу на себя.

- Ты её дочь, верно? - уточняет он, оглядывая меня с ног до головы. - Мы старые знакомые твоей мамы. - Он неестественно улыбается. - Можно узнать, когда она вернётся?

- Я не знаю.

Блондин испепеляет меня взглядом, ведя немую борьбу. Его сдержанный тон полностью противоречит напору в его выцветших голубых глазах.

- Куда она уехала?

- Не знаю, - повторяю я, не сводя с него глаз. Он продолжает удерживать мой взгляд, словно подозревая, что я что-то скрываю. Повисшая тишина звенит в ушах, воздух накаляется, напряжение нарастает.

Сильный порыв ветра поднял в воздух пыль и листья. Деревья вокруг дома зашептались.

– Что ж, ладно, – нехотя сдаётся он. – Приносим свои извинения за беспокойство.

Оба мужчины разворачиваются, и я какое-то время наблюдаю за их удаляющимися спинами. Они мельком оглядываются по сторонам, после чего садятся в машину бизнес-класса и уезжают вверх по улице.

Это было странно.

Напоследок я смотрю на небо. Со стороны океана движется тяжёлая туча. Я набираю воздуха в лёгкие, предвкушая дождь, и скрываюсь в доме.

Остаток дня проходит в обществе лучшего друга человека – телевизора. Фоном вещая бессмысленную информацию, он не даёт мне возвращаться к тревожным мыслям и прислушиваться к тишине, заполнившей словно густой туман дом за пределами моей комнаты.

Всю ночь капли дождя насмерть разбивались об окно и медленно стекали вниз, оставляя прозрачный след на стекле.

Дом будто ожил и задышал.

Я долго лежала с открытыми глазами, пугаясь каждого шороха и скрипа, пока сон наконец не проявил милосердие и не забрал меня в блаженную пустоту.

П?Л?Ч

--3--

Каждую осень маленький городок Шелтон в «Вечнозелёном штате» скрывается под покровом облаков. Ночью шёл дождь. Утром он превратился в туман, проглотив мой дом и лишив всякой видимости. Я почти не вижу своей машины, пока пробираюсь сквозь влажный воздух. Открываю на ощупь дверцу и ныряю в

салон, закидывая рюкзак на пассажирское сидение. Пахнет холодом и сыростью. Я поворачиваю ключ зажигания, возвращая «тойоту» к жизни, и включаю радио.

«...доброе утро всем, кто только что к нам присоединился!..» – До тошноты радостный голос вырывается из колонок.

– Да пошёл ты, – бормочу я себе поднос и меняю станцию на лаунж-волну. Ранним утром натянутый за уши позитив выводит меня из себя. Вообще-то он всегда выводит меня из себя, но сегодня, когда я смогла уснуть лишь под утро, особенно.

Мой путь до школы лежит через «Старбакс», что занимает в два раза больше времени, но сокращает шансы на то, что я усну на уроке. Спустя двадцать минут я уже иду по школьному коридору со стаканчиком капучино в руке и притворяюсь, что существую. Со мной пару раз здороваются, на что я отвечаю сдержанным кивком, потому что понятия не имею, кто эти люди. Наверняка они видели меня на вечеринке в пятницу и думают, раз уж меня впустил в дом сам Брайан Купер, я достойна того, чтобы со мной поздороваться.

В шкафчике я беру книгу «Убить пересмешника» и отправляюсь в класс. Помещение кишит звуками голосов и мобильных телефонов. Я прохожу вдоль рядов и сажусь за последнюю парту. Ко мне тут же поворачивается Кэтрин. Она как всегда выглядит свежей и отдохнувшей. Здоровый, достаточно смуглый для человека, проживающего на западе Вашингтона, цвет кожи, сияет идеальностью. Румяные щёки. Горящие глаза цвета миндаля. От неё всегда веет энергией. Рядом с ней я чувствую себя ещё более мёртвой. Как внутренне, так и внешне. Бледная кожа в обрамлении тёмно-русых волос, достающих почти до пояса, бледные серые глаза и единственное яркое пятно – красная помада, под слоями которой скрываются бледные потрескавшиеся губы.

– Куда ты подевалась в пятницу? – спрашивает Кэтрин тоном мамыши, потерявшей своего ребёнка в супермаркете. – Я тебя обыскала.

– Ох, правда? – Такого заявления я от неё не ожидала. На той вечеринке она пользовалась слишком большим спросом, чтобы помнить обо мне. – Может, тогда тебе стоило поискать меня на втором этаже, тогда бы ты нашла меня в отключке в одной из комнат.

Глаза Кэтрин округляются, и она подносит руку ко рту.

- Ты с кем-то переспала? - спрашивает она, перейдя на шёпот и окидывая взглядом класс, в попытке вычислить, кто это мог быть. На одну долю секунды её глаза на ком-то задерживаются, и она призрачно улыбается.

- Не знаю, - отвечаю я, привлекая внимание подруги обратно. - По крайней мере, мне об этом неизвестно. - Когда лицо Кэтрин начинает бледнеть, я добавляю: - Шутка.

. Я ни с кем не спала.

- Тогда что ты там делала?

- Как я и сказала, валялась в отключке, - скучающе говорю я, неосознанно рисуя в тетради. - Мне стало плохо на кухне, какой-то парень отнёс меня наверх. Это всё, что я знаю.

- Мне жаль, что так вышло. - Кэтрин действительно об этом сожалеет. Она немного ветреная и капризная, но не стервозная. А это была первая вечеринка у Купера в этом учебном году. Впервые за всё лето собралась действительно внушительная компания. Потеряться было просто, особенно если нужно уделить внимание всем, как это обычно бывает с Кэтрин.

Но меня это не волнует. И я не держу на неё зла. Мы никогда не были лучшими подругами.

. Я не ждала от неё самопожертвования и не давала ничего взамен. У нас всего лишь несколько общих предметов, и мы сидим рядом. Ей нравится, что я хороший слушатель, а мне... А мне всё равно.

- Примерно в час ночи я уже собиралась пойти домой и начала тебя искать. Но вместо этого я познакомилась с супер-горячим парнем!

- Ты познакомилась ещё не со всеми супер-горячими парнями в городе? - бормочу я, продолжая изрисовывать лист.

– Он новенький! – восторгается Кэтрин, подтверждая моё высказывание.

Это слово режет слух, заставляя меня поднять взгляд на девушку. В этом городе «новенький» употребляют только относительно автомобиля или блендера, купленного по ужасно выгодной цене в теле-магазине.

– Новенький? В Шелтоне? – уточняю я, словно пропустила половину разговора, и осматриваю класс. – Это не тот город, в который переезжают. Из него бегут, – заключаю, звуча слегка мрачновато.

В этот момент звенит второй звонок, и учитель вплывает в класс, с ходу командуя нам открыть пятидесятую страницу.

Кэтрин беспомощно пожимает плечами. Очевидно, причина переезда её мало интересовала на момент знакомства.

– Самое удивительное, что он переехал со своим другом, – шепчет напоследок Кэтрин и, прежде чем отвернуться к доске, подмигивает. Я закатываю глаза, но она этого уже не видит.

Во время ланча в кафетерии я сижу одна. Это немая договорённость между мной и Кэтрин. Она предпочитает сидеть в шумной компании своих подруг-по-интересам (если помешанность на парнях и глупых сериалах можно назвать интересами), а я... Раньше у меня тоже был друг. Но теперь мне легче сидеть одной, чем изображать заинтересованность в их беседе. Таким образом, двадцать минут на обед мне кажутся слишком долгими. Обычно я управляюсь за десять и не спеша бреду на следующий урок. Сегодняшний день не стал исключением. Пустые школьные коридоры держат в напряжении. Я словно нарушаю закон, проникаю на частную территорию. Стены отторгают меня. Тишина кричит.

Школа не место для одного.

Внезапно на моих губах оказывается чья-то рука, а потом по пустому коридору разносится железное лязганье шкафчиков. Я чувствую боль в затылке и понимаю, что являюсь причиной звука. Высокий парень в капюшоне прижимает меня спиной к шкафчикам, продолжая зажимать ладонью мой рот. Из тени на

меня смотрят синие глаза, полные жестокости.

– Без паники, девочка. – Из капюшона доносится его низкий голос. – Я всего лишь хочу кое в чём убедиться.

В следующую секунду он берёт мою руку и заводит её за спину. Я почти слышу, как суставы возмущаются от боли. Непроизвольный крик срывается с моих губ и падает на пол, разбиваясь вдребезги. Осколки со звоном отскакивают от стен. Парень позади меня чертыхается и ослабляет хватку.

– Тихо. – Его рука снова закрывает мне рот, а второй он прижимает меня спиной к себе. Мы оказываемся в достаточно интимной позе, если не принимать во внимание, что он делает мне больно.

– Да кто ты такой? – Я пытаюсь успеть разглядеть его лицо, пока он снова не нанёс мне вред. Парень кажется знакомым, но я не помню его среди одноклассников.

– Твой убийца.

Затолкнув эти слова в моё сознание, он резко отпускает меня и молча уходит. Мне остаётся растерянно наблюдать за фигурой, удаляющейся по коридору. Что только что произошло?

Кэтрин его имела в виду, когда сказала, что у нас новенький? Если да, ей можно только посочувствовать.

СИМБИОЗ

Я слушаю дождь, стучащий в окно. Только он составляет мне компанию в пустом доме. Я накрылась одеялом до самой головы, но всё равно продолжаю дрожать от холода. В хрупкий момент, когда сон начинает утаскивать меня в свои объятия, кто-то барабанит в дверь на первом этаже. Озноб из холода и страха встряхивает моё тело. Сердце замирает. Надеюсь, мне показалось. Я прислушиваюсь внимательней. Сквозь шум дождя доносится очередной стук.

Я собираю всё своё мужество и выбираюсь из кровати. Холодный воздух встречается с моим телом. Я беру нагретое одеяло с кровати и укутываюсь в него. Босиком, абсолютно бесшумно, спускаюсь на первый этаж. Стоит подозрительная тишина. В следующую секунду звонит мой телефон. Кто-то очень хочет меня. Ночью.

Наконец я подхожу к двери. Осторожно прислоняюсь к ней ухом. Параноик внутри меня слышит чьё-то дыхание, но я всё же решаюсь открыть дверь.

– Наконец-то! – восклицает Кэтрин и отводит телефон от уха. Она промокшая насквозь. Рядом с ней небольшая, но на вид тяжёлая дорожная сумка. – Я ушла из дома, – объявляет она и, хватая сумку, тащит её вместе с собой в мой дом.

– Что? – слабым спросонья голосом спрашиваю я.

Кэтрин бесцеремонно включает свет в прихожей, и резкая боль в глазах заставляет меня закрыть их.

– Я больше так не могу! – восклицает она. Её голос звонкий и энергичный. Очевидно, инцидент произошёл совсем недавно, и она всё ещё на взводе. – Я живу в постоянном гнёте. А ты сделала уроки? А ты решила, куда хочешь поступать? Что значит, никуда? А кем ты хочешь стать? Моделью? Ты никогда не станешь моделью! – передразнивает она своих родителей, размахивая руками. Вода капает с её одежды и ставших грязно-песочными волос. – Сегодня за ужином папа снова поднял эту тему. Так что... Вот она я. Мне надоело выслушивать каждый день одно и то же. Я хочу доказать им, что справлюсь без них и их высшего образования, – подытоживает она и смотрит на меня умоляющим взглядом. – Могу я пожить у тебя немного?

Кажется, до меня доходит смысл только последних фраз, и я тут же просыпаюсь.

– У меня? – удивляюсь я. – Но почему у меня? Почему не у Брук или, не знаю, Алиши?

– Мэдди, ты же понимаешь, что с ними я должна держать своё лицо. Я не хочу, чтобы они знали о моих проблемах. Эти сучки перемоют все мои кости, если почуют неладное.

– Ладно. – Я пожимаю плечами. Закон джунглей в старшей школе. – Пофиг. Но запомни первое правило этого дома: не называть меня «Мэдди».

– Ла-адно. – Вдруг Кэт округляет глаза и подносит руку ко рту. – А твоя мама не будет против? – на этот раз шёпотом интересуется она. До неё наконец доходит осознание своей бесцеремонности.

– Скорее всего, будет. Но мы этого не узнаем, – бормочу я и плетусь на кухню.

– Что ты имеешь в виду? – Кэтрин сбрасывает мокрую обувь и бежит за мной.

– Её нет дома. – Ставлю чайник на плиту. – Она уехала... в отпуск. Вернётся не скоро.

– Повезло тебе, – супится Кэтрин.

Да уж.

– Чай, кофе? – предлагаю я. Нам обеим не помешает согреться.

– Чай. Зелёный, если можно. Хочу успокоиться.

– Конечно. – У мамы не только был чай всех цветов радуги, но и куча специй и непонятных трав.

– Я пойду переоденусь во что-нибудь сухое. Ванна всё там же? – шутит она. Кэт бывала у меня всего пару раз.

– В этом доме редко что меняется.

Кэтрин возвращается через десять минут, и я выслушиваю её рассказ в деталях. Ночью откровенничать всегда легче. Кажется, что утром это забудется, как очередной сон.

Она уже упоминала о том, что мечтает стать фото-моделью, но сегодня она описала мне свою мечту во всех подробностях. После школы она планирует махнуть в Калифорнию на деньги, что она откладывала на университет. Ну, или на план «Б», которой она всегда имела в виду.

Притом что я жёсткая реалистка, я верила в Кэтрин. Она именно из тех людей, кто может пробиться. Жизнерадостная, обаятельная и уверенная в себе. Вопреки мнению её родителей, я знала, что она не пропадёт. Тем более с такой внешностью.

– Ты точно не против, если я поживу у тебя несколько дней? Уверена, надолго это не затянется, и папа сам позовёт меня вернуться.

– Да, без проблем.

Спать мы отправились поздно. Или скорее рано. Кэтрин легла в гостевой спальне – не то чтобы у нас часто бывали гости, но нам с мамой хватало двух комнат и гостиной. Третья спальня всегда пустовала.

Вставать в школу после жалких четырёх часов сна кажется мне адом. Я поднимаю с подушки тяжёлую голову и пытаюсь открыть опухшие глаза. В ванной я натыкаюсь на Кэтрин, и первые три секунды залипаю, глядя на неё в своём доме. Потом события вчерашней ночи просачиваются с подсознания, и я расслабляюсь. Что ж, сегодня утром она выглядит не так уж и привлекательно. По крайней мере теперь я знаю, что она человек!

– Нужно заехать ко мне домой, – сообщает Кэтрин, когда мы сидим в моей машине. – Я ничего не взяла для школы.

Я хмуро смотрю на часы на приборной панели. Если мы сейчас поедem через её дом, это означает, что я не успею заехать в «Страбакс» и останусь без

дополнительной порции кофеина.

– Как скажешь. – Я выруливаю с подъездной дорожки. Раздражение кишит во всём моём теле. Ненавижу, когда что-то выбивает меня из привычного хода вещей.

Я по привычке включаю радио, но уже через десять секунд Кэтрин тянется к магнитоле и убавляет звук.

– Кстати, самое главное, – заменяет она собой радио. Я смотрю на неё как на инородное тело в организме своей машины, которое она отторгает. – Как тебе новенькие?

Мой живот ухает вниз. Пальцы непроизвольно сжимают руль сильнее.

– Нормально, – отвечаю я, не глядя на неё.

– Нормально? Ты их вообще видела?

– Ага. – После случая в коридоре, я стала обращать внимание на своих одноклассников и выявила двух незнакомцев. Тот, что угрожал мне в коридоре, показался мне до боли знакомым. Думаю, именно он стал свидетелем моей отключки на вечеринке. – Один такой тёмненький и долговязый вечно с хмурым лицом? А второй блондин с наркоманским видом?

– уточню я.

– Что? – Рот Кэтрин буквально отвисает. – Я не верю, что ты только что это сказала.

– А что не так? – Я бросаю на неё удивлённый взгляд и быстро возвращаю его на дорогу. – У него такой вид, будто он устал от жизни или не спал лет десять.

– Мэдди...

– Мэд.

– Мэд, – исправляется Кэтрин, – Это два очень милых и симпатичных парня. Алиша уже положила глаз на Кристофера.

Я хмурю брови, не понимая, о ком она.

– Тёмненький и долговязый, – нехотя поясняет Кэтрин, заметив замешательство на моём лице. – А я – на Колдера. Это с ним я познакомилась на вечеринке.

Мои опасения подтвердились.

– Что ж, я... рада за вас.

Мы останавливаемся у дома Кэтрин.

– Только не вступай в спор с родителями, ладно? – прошу я, когда она открывает дверь, чтобы выйти из машины.

– Не буду. И спасибо, что переживаешь за меня.

– Я не за тебя переживаю. Просто не хочу опоздать.

Не то чтобы я прилежная ученица. Мой вызывающий вид провоцирует много косых взглядов со стороны учителей. Формально я не нарушаю негласные правила школы: закрытые плечи, определённая длина юбки (здесь с натягом). Но моя любовь скрывать своё хрупкое тело за мешковатыми вещами и пирсинг в носу заставляют меня выглядеть слишком неряшливо для школы. Особенно им не нравится моя красная помада. Сначала я получала выговоры, но потом все привыкли и перестали воспринимать её как нечто выходящее за рамки. Но в данной ситуации я не горю желанием рисковать. Сейчас я, будучи несовершеннолетней, живу одна. Не хотелось бы, чтобы это каким-либо образом всплыло.

Кэтрин возвращается со школьной сумкой и кислым выражением лица. Она молча садится в машину и хлопает дверцей. Моё сердце обливается кровью, и я закусываю губу, чтобы удержаться от едкого комментария. До школы мы доезжаем в тишине. В полной. Кэтрин выключила радио, как только я нашла нужную радиостанцию. Если уж она не хочет разговаривать, я точно не

собираюсь её ни о чём расспрашивать. Когда люди хотят что-то рассказать – они это делают.

– У меня есть план, – внезапно сообщает Кэтрин, когда мы идём по школьному коридору. Она внимательно смотрит на каждого ученика, идущего навстречу, вытягивая шею и глядя по сторонам.

– Как помириться с родителями и вернуться домой? – спрашиваю я.

– Нет. – Отмахивается она и, не обнаружив того, что искала, поворачивается ко мне. – Сегодня во время ланча мы должны сесть с новенькими.

– Мы?

– Ну да, ты и я, – поясняет Кэтрин. – Они сидят совершенно одни. Я подумала, им, должно быть, сложно освоиться. Представь, каково бы было тебе, если бы ты перевелась в новую школу на последнем году обучения и никого не знала.

Замечательно.

– Кэтрин...

– Кэт, – исправляет она меня, и я с удивлением смотрю на неё. Окей, один-один.

– Кэт, они два друга, если я правильно тебя поняла, а значит, уже не одни. К тому же они были на вечеринке у Брайана и познакомились с половиной школы, в том числе и с тобой. Ты правда думаешь, что им одиноко и грустно?

Она открывает рот и тут же его закрывает. Я киваю собственным доводам и двигаюсь дальше по коридору к своему шкафчику.

– Ну, хорошо. – Кэтрин догоняет меня. – Я просто хочу познакомиться с Колдером поближе, ясно?

– Кристально. Но при чём здесь я? – С непроницаемым лицом достаю «Пересмешника». – Ты сказала, долговязый приглянулся Алише.

Кэтрин опускает глаза в пол.

– Во-первых, всегда есть Брук. А во-вторых, я тебя умоляю, у Алиши просто спортивный интерес. А ты заслужила хорошего парня.

О, нет. Неужели она решила свести меня с этим парнем из жалости и чувства благодарности?

– Слушай, Кэт. – Я смотрю ей в глаза, источая полную уверенность в своих словах. – Я в порядке. Не впутывай меня в это.

Я разворачиваюсь и направляюсь в класс. За спиной слышится тяжёлый вздох.

– Пожа-а-алуйста.

Я останавливаюсь и снова поворачиваюсь к Кэтрин.

– Мэд, честно говоря, я просто не хочу, чтобы ребята попали под влияние девчонок. Алиша поиграет с Кристофером и бросит, она давно сохнет по громиле из футбольной команды. А Брук однозначно захочет перетянуть внимание Колдера на себя только потому, что он заинтересовался мной. Так же, как это было с Брайаном.

– Послушай, Кэт, даже если бы я хотела, я бы не смогла. – Пытаюсь сопротивляться я. – Но я не хочу.

ПОСЛ?БЛЕНИЕ

--5--

Поверить не могу, что я согласилась на это. Что это было? Временное помутнение рассудка? Ядовитая надежда, отравившая здравый смысл?

Каждую минуту, что отделяла меня от ланча, я прожигала взглядом затылок Колдера.

. Я смотрела на него, словно на своего палача. Как будто отсчитывала минуты до собственной смерти. Нервы срывались с поводка и кишели под кожей мелкой дрожью до самого звонка.

И вот я уже сижу с ним за одним столом.

Колдер откинулся на спинку стула и сложил руки на груди. Его длинные ноги вытянуты под столом, и время от времени он бьёт меня своими тяжёлыми ботинками. Кэт живо и ярко рассказывает о своей последней поездке на Гранд-каньон. Я слышу эту историю уже в третий раз и знаю, что она близка к тому, чтобы достать телефон и начать показывать фотки.

Блондин не выглядит слишком заинтересованным, но старательно делает вид, что весь во внимании. Его взгляд каждый раз падает на разрез кофты Кэт, но, словно не обнаружив там ничего интересного, возвращается обратно к её глазам. Да, у Кэтрин маленькая грудь. Но зато стройная талия и округлая подтянутая задница. Словом, от недостатка мужского внимания она никогда не страдала.

Долговязый, Кристофер, кажется мне напряжённым с того самого момента, как мы подсели к ним за столик. Он часто – слишком часто – бросает на меня холодный взгляд, полный презрения на грани отвращения.

Я неуютно ёжусь и прячу руки в длинные рукава своего свитшота. Колдер снова ударяет меня по ноге, и в этот момент я не выдерживаю и резко встаю из-за стола. Какого хрена я вообще тут делаю? Ножки стула с убийственным скрипом царапают пол, заставляя обратить на меня внимание всех троих.

- Ты куда? – удивляется Кэтрин.

- На фиг, – бормочу я и, избавившись от подноса, покидаю кафетерий.

Я плетусь к своему шкафчику, достаю альбом и усаживаюсь на пол, прислонившись спиной к железным дверцам. Чтобы убить время до начала урока, я не задумываясь начинаю выводить линии карандашом. Они медленно и неуверенно превращаются в глаза, а затем в лицо.

.
- Это я?

Внутренности подпрыгивают, рука вздрагивает и рисует кривую черту. Я резко поднимаю голову, но глаза не сразу фокусируются на стоящем передо мной человеке. Хоть я уже и знаю, кто это. Колдер смотрит на мой рисунок, запрокинув на бок голову, и издевательски ухмыляется.

- Нет! - пылко отрицаю я и пытаюсь встать на ноги, но теряю равновесие и плюхаюсь обратно на задницу.

Колдер издаёт смешок и протягивает мне руку.

. Я в замешательстве. Его угрозы и пренебрежение не вяжутся с протянутой рукой. Проигнорировав её, я встаю сама.

- Что ты здесь делаешь? - спрашиваю я, убирая альбом обратно в свой шкафчик. Мысли путаются от унижения, стыд выступает кровью на щеках.

- Пришёл узнать, в чём дело.

- Тебя Кэтрин послала?

- Нет.

Охотно верю.

Я захопываю дверцу шкафчика, громче, чем следовало. Звук растворяется в звонке. Коридор уже заполняется учениками. Поворачиваюсь навстречу движению и сталкиваюсь с синим взглядом Колдера. Насмешливая улыбка больше не украшает его лицо. Теперь оно превратилось в гранит.

– Кэтрин послала Криса. Но пошёл я, – объясняет он, и я удивляюсь его многословности.

Мне понятно, почему Кэтрин послала Криса, но я не имею никакого представления, почему пошёл Колдер. Борюсь с любопытством и желанием спросить и проигрываю.

– Почему?

Колдер смотрит на меня. Смотрит. Смотрит. Гранит даёт трещину. Опасная улыбка растягивает его полные губы.

– Это ведь я виноват в том, что ты ушла.

Я равнодушно фыркаю,

. Эти двое решили сделать меня объектом своих насмешек. Но почему именно меня? Будем честны, в школе полно более достойных объектов для издевательств. Может, это личная обида? Вдруг я успела что-то натворить на вечеринке, когда мой мозг отключился – а тело, возможно, нет?

– Вот вы где! – Кэтрин плывёт против потока. Она держится за чью-то руку, которая тянет её на дно. Секундой позже из толпы выныривает Кристофер. Он окутан недовольством и раздражением. – Мэд, всё в порядке? Ты так резко ушла...

– Всё супер.

Я прохожу мимо них троих и иду в класс. Это не спасает, потому что Колдер и Кристофер следуют за мной. Общие предметы, чтоб их.

После школы я жду Кэтрин на парковке возле своей машины. Этот день буквально испытывает моё терпение. Самое раздражающее, это видеть человека в поле зрения, но понимать, что он даже не торопится. Кэт появляется на горизонте в компании Колдера. Она идёт критично близко от него, то и дело касаясь его плеча. На лице парня сдержанная улыбка. Кристофер, всё такой же недовольный, плетётся где-то позади. Что с ним не так?

Я складываю руки на груди, тело зудит от недовольства и нетерпения. Я смотрю на Колдера, не могу с собой ничего поделаться. Страх всегда граничит с любопытством. Внезапно, словно чувствуя мой взгляд на себе, Колдер смотрит на меня. Он накидывает на голову капюшон и останавливается возле груды металла на колёсах. Эта машина раза в три старше меня. Я не в силах удержаться от ехидной улыбки. Если уж Кэтрин не видит в Колдере ничего подозрительного, старая машина, скорее всего, «шевроле» годов эдак семидесятых, точно её отпугнёт.

Они наконец прощаются, и Кэтрин, игриво убирая волосы за ухо, приближается ко мне.

- Он определённо мне нравится! - заявляет она.

- Он не очень-то походит на твой типаж, - скептически подмечаю я, садясь в салон. О лобовое стекло уже разбиваются капли дождя.

- Типаж? - Кэтрин делает вид, что удивляется.

- Красивый, перспективный, на дорогой машине...

- Колдер красавчик, - перебивает меня Кэтрин. Она упрямо смотрит вперёд, избегая моего взгляда.

Я издаю смешок. Только что она подтвердила отсутствие остальных пунктов.

- Ну, если хорошенько поспит и подстрижётся, - добавляет она.

- У него отличная причёска, - вырывается у меня, и я поджимаю губы, крепче впиваясь пальцами в руль. - Ещё недавно ты считала, что он выглядит

прекрасно, – я срочно пытаюсь перевести тему.

Кэтри поворачивается, и я чувствую, как её взгляд осторожно касается меня.

– Так-так-та-а-ак, – протягивает она.

– Даже не начинай, – стону я.

– Значит, тебе нравится...

– Только попробуй закончить это предложение, и я отвезу тебя к родителям, – угрожаю я, одаривая Кэтрин поистине суровым взглядом. Как она может делать подобные выводы только из-за одной причёски?

– Хорошо. – Кэтрин надувает губы и складывает руки на груди. – Но предупреждаю сразу: Колдер – мой.

– Как скажешь.

Я надеюсь, что разговор окончен, но Кэтрин продолжает:

– Ты очень изменилась после отъезда Гейба. Огородилась ото всех, замкнулась в себе. Я понимаю, он был твоим лучшим другом, но не единственным.

Да, он был моим лучшим другом.

. Пока он не сломал во мне что-то. Пока все мои чувства не превратились в прах, унесённый ветром. У меня нет ни мечты, ни целей. Я просто рисую. Надеюсь, однажды я найду стабильную работу, чтобы не умереть с голоду и... буду медленно умирать. День за днём.

– Всё в порядке, Кэт.

К моменту, как мы подъезжаем к дому, дождь превращается в настоящий ливень. Кэтрин выбегает из машины, хлопая при этом дверцей, и несётся к дому.

– Как же мне надоел этот дождь. Я мечтаю скорее свалить отсюда, – ноет она, в нетерпении подпрыгивая на крыльце, пока я отпираю дверь.

Я задумываюсь на мгновение, хочется ли мне чего-нибудь подобного. Убежать в другое место или начать новую жизнь. Нет, я люблю Вашингтон. Я люблю вечнозелёные леса и бесконечные дожди. Мама часто говорила мне, что у меня душа пенсионерки, но я готова была прожить в этом зелёном мире всю свою жизнь.

Раз уж Кэтрин теперь жила со мной, мы разделили обязанности. Она готовит, а я... А я не готовлю. В конце концов, надо же ей отрабатывать своё пребывание здесь. Обычно готовкой занималась мама, это – её страсть. Но так же, как и её характер, эта страсть обошла меня стороной. Я могла готовить. Но если выпадал шанс не делать этого, я его не упускала.

Темнеет рано. Чёрные тучи проглотили солнце, а вместе с ним и дневной свет. Кэтрин возится на кухне, готовя нам что-то на ужин, а я устроилась на диване в гостиной, рисуя в альбоме под щебетание сериала. Нашу семейную идиллию нарушает стук в дверь. Первые несколько секунд я уверена, что этот звук доносится из телевизора, и смотрю на экран. Слишком часто стали стучать в дверь моего дома. Но когда звук повторяется, я вынуждена отложить альбом в сторону и встать с дивана. Карандаш я машинально засовываю в лохматый пучок волос, чтобы не потерять.

С каждым шагом во мне растёт волнение. Мне кажется, я знаю, кто за этой дверью, но не помню. Ощупываю воспоминания, но не могу дотянуться до нужного. Я открываю дверь, прерывая свои мучения, и вижу перед собой высокую фигуру в капюшоне.

– Что?..

Я не успеваю договорить, потому что Колдер переступает порог и прижимает меня к стене, точно так же, как в школе.

– Ты ещё и грёбаная ведьма! – Ненависть приобретает форму слов. Его пальцы смыкаются на моей шее, и в момент, когда мне становится больно, он словно чувствуя это, ослабляет хватку. Ровно за секунду, как из кухни появляется

Кэтрин.

– Кто это, Мэд? – Она замечает парня, и её лицо озаряется. – Колдер? Что... что ты здесь делаешь?

– Чертовски хороший вопрос. – Я смотрю на парня исподлобья и потираю шею.

Замешательство быстро стирается с его лица. Колдер снимает капюшон и надевает улыбку.

– В школе я увидел, как Мэднесс рисует мой портрет. Она обещала закончить его и подарить мне. Я зашёл забрать его. – Ложь бежит уверенным ручьём.

Почему он врёт? Какой может быть истинная причина, если он не хочет называть её? И как он узнал, где я живу?

– Ты нарисовала Колдера? – Кэтрин щурится, глядя на меня. О, нет. Она всё неправильно понимает.

– Да, в смысле нет, в смысле... – Как объяснить ей, что иногда я не контролирую, что рисую. – Это было не специально!

– Зачем ты нарисовала Колдера, Мэд? – чеканит Кэтрин, складывая руки на груди.

На меня смотрят две пары глаз. Злость и злорадство обступают с двух сторон.

– Я... он... у него очень интересное лицо.

– Так я могу получить своё лицо? – спрашивает Колдер.

– Ты можешь получить в лицо, – огрызаюсь я.

– Я не уйду.

– Я его не дорисовала.

- Ничего страшного, я не спешу. - Колдер вращается в землю.

- Это же просто отлично! - радуется Кэтрин. Её тело вытягивается и приобретает кошачью грацию. - Я как раз готовлю ужин. Проходи на кухню.

Колдер мгновенно соглашается на её предложение и проходит на кухню.

- Кэт, ты не забыла, что сейчас находишься в моём доме и не тебе приглашать гостей.

- Это ведь ты пригласила его. - Она вскидывает брови. - Я всего лишь пытаюсь быть вежливой. В отличие от тебя, - тихо добавляет она и идёт следом за парнем.

Я плетусь в гостиную, где оставила альбом. Потерпев поражение, сажусь обратно на диван и нахожу среди множества зарисовок портрет Колдера. Мне он не нравится. Я имею в виду портрет. Хотя и Колдер не вызывает у меня симпатии. Но его глаза... В них целый мир, который мне хочется изучить, но который не удалось передать на бумаге. Серые линии образуют лишь пустые дыры.

Я не трачу много времени на рисунок. Закончив портрет минут за пятнадцать, я борюсь с желанием подрисовать Колдеру усы или смешные очки. Но это будет чересчур по-детски.

Я появляюсь на кухне в момент, когда Кэтрин кокетливо смеётся, игриво ударяя парня по плечу.

- Вот твой портрет. - Я протягиваю Колдеру вырванный из альбома лист. Это ещё один повод ненавидеть его. - Спасибо, что зашёл. - Моя фальшивая улыбка трещит по швам. Из них сочится сарказм. - Повидались и хватит. Навсегда.

- Мэднесс! - возмущается Кэтрин.

Колдер направляется к выходу, пока Кэтрин нервно кружится вокруг него и краснеет за моё поведение.

– Колдер, не обращай на неё внимания. Она со всеми такая колючка.

Парень останавливается возле двери и поворачивается ко мне. Я поднимаю взгляд, натываясь на его синие глаза, в моей крови начинает потрескивать электричество.

– Будь осторожней, – говорит он. – Я умею находить применение острым язычкам. – Его глаза скользят вниз и задерживаются на моей груди. Но я уверена, что он не обнаруживает желаемого, потому что я в свободной кофте, которая висит на моих тонких плечах, как на вешалке, скрывая тело.

Его дерзость

удивляет меня. Я смотрю на Кэтрин с видом: «И на этого парня ты запала?». Её округлившиеся глаза отвечают красноречивей слов.

Колдер выходит из дома, и как только дверь захлопывается, голос Кэтрин ударяется мне в спину.

– Нам нужно серьёзно поговорить.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ

--6--

Говорить я не очень люблю. Потому что это означает, что мне нужно озвучивать вслух свои мысли и чувства. В попытке бегства в свою комнату я спотыкаюсь на ступеньке и падаю на больную коленку. Моё тело охватывает секундная агония.

Я сжимаю губы, чтобы не закричать и издаю стон. Кэтрин это не останавливает.

– Вот что бывает, когда меня пытаются игнорировать.

– Я не хочу никаких серьёзных разговоров.

Я знаю, что ты скажешь. – Я хромаю вверх по лестнице. Кэтрин упрямо следует за мной. Мы заходим в мою комнату, я хватаю ноутбук и сажусь на кровать, скрестив ноги. Кэт захлопывает экран компьютера, едва я успеваю его открыть, и складывает руки на груди.

– Теперь ты видишь, какой Колдер на самом деле? – Лучшая защита – нападение.

– Во-первых, будь добрее к людям. – Всё-таки не видит. – Может, тогда они к тебе потянутся.

– Я не хочу, чтобы ко мне тянулись люди.

– Но так нельзя! – негодует Кэтрин. – Мэд, послушай, – её голос искажается в более мягких нотах, – я знаю, что ты на самом деле не такая. Иначе прибежала бы я дождливой ночью после грандиозной ссоры с родителями именно к тебе?

– Честно говоря, я до сих пор не понимаю, почему ты это сделала.

– Потому что ты настоящая! – заявляет Кэтрин, словно это очевидно. Она садится рядом со мной, берёт ноутбук и откладывает в сторону. – И отзывчивая, даже несмотря на твои колючки. И да, я дружу с Брук и Алишей. Мне с ними легко и весело. У нас много общих интересов и даже, может, взгляды на жизнь. В чём-то, – небрежно добавляет она. – Но они слишком поверхностны для настоящей дружбы. И я точно знаю, что ты не станешь меня предавать или из зависти отбивать моего парня.

Я лишь фыркаю в ответ. Мой секрет в глубоком безразличии.

– Кстати о парне. Скажи мне честно, тебе нравится Колдер? – Кэтрин сверлит меня миндальным взглядом, в недрах которого зарождаются страх и обида. Она

старается быть мудрой подругой и не устраивать ревностные скандалы, понимая, что в противном случае ей придётся вернуться домой. Но я понимаю, что Кэтрин не из тех девушек, кто будет уступать.

- Нет.

- Но тогда почему ты нарисовала его? - искренне не понимает она.

Все вопросы к подсознанию.

- Послушай, это вышло совершенно случайно. Я просто взяла карандаш в руки и начала рисовать. Сначала это были всего лишь наброски, но потом очертания стали походить на Колдера. Не знаю, наверно, это потому, что ты заставила меня сесть вместе с вами в кафетерии! - Гениально. Только что я почувствовала себя пятилетним ребёнком, пытающимся объяснить своё глупое поведение.

Кэтрин ещё около минуты смиряет меня взглядом, а потом освобождается от застывшей оболочки. Мышцы расслабляются, и из лёгких вырывается едва уловимый выдох.

- Хорошо, - говорит она. - Потому что пока мы ждали на кухне, Колдер пригласил меня в кино.

- Это свидание?

Кэтрин хмурится. Мой вопрос явно ставит её в тупик. Но когда всю жизнь твоим лучшим другом был парень, начинаешь сомневаться, что мужское внимание может быть исключительно романтическим.

- Разумеется, это свидание. Что же ещё?

- Ну... Может, он просто пытается завести друзей в новой школе, - многозначительно сообщаю я, намекая на её сцену в школьном коридоре.

Кэтрин показывает мне язык.

- Поверь, ни один парень не ищет себе друга в лице девушки.

– Окей, как скажешь, – сдаюсь я. Даже если бы парни искали себе в друзья девушек, Кэтрин бы они приберегли для кое-чего более интересного.

Я не знаю, на сколько мне хватит терпения. Моя размеренная жизнь превратилась в сумбур. Я сижу в машине, меняя радиостанции по десятому кругу, до начала урока осталось пятнадцать минут, а Кэтрин до сих пор не появляется. Я понимаю, что снова остаюсь без порции утреннего капучино. Сигналю три раза, чтобы поторопить Кэт, и спустя ещё две минуты она выходит из моего дома и садится в мою машину, усложняя мою жизнь.

На парковке практически нет свободных мест. Я втискиваюсь между двух новеньких иномарок в самом неудобном месте, и нам приходится бороздить к входу школы среди временного кладбища машин.

– Поторопись, – кричит Кэтрин и обгоняет меня на своих длинных ногах.

Я одариваю её презрительным взглядом. Это она мне говорит поторопиться?

– Иди вперёд, – отвечаю я. – Мне нужно взять книгу.

Я достаю «Пересмешника», закрываю дверцу, и неожиданность бьёт меня под рёбра. Он в футе от меня, а я в паре секунд от того, чтобы умереть от разрыва сердца.

– Привет, Белоснежка. – Колдер лениво улыбается и отталкивается плечом от шкафчиков, следуя за мной.

Не вступай с ним в диалог. Не вступай с ним в диалог. Не вступай с ним в диалог.

– Ещё вчера ты называл меня ведьмой. Почему Белоснежка?

Я хочу отрезать себе язык, выколоть глаза и залить уши воском. Его присутствие рядом лишает меня силы воли, превращает в трепещущий от страха сгусток противоречивых желаний.

– Уста алые как роза, кожа белая как снег... – цитирует Колдер, и мне кажется, теперь и моя кожа становится алой как роза.

– Волосы у меня не чёрные как смоль.

Понятия не имею, зачем я ввязываюсь в этот глупый разговор.

– Они достаточно тёмные.

– Что ж, не знала, что ты фанат «Диснея».

– Скажем, развлечься с принцессами я был бы не прочь. – На его бледном лице появляется ухмылка. Пухлые губы слегка потресканы.

– Чего ты хочешь? – Я выдыхаю вопрос. До кабинета остаётся несколько шагов.

– Тебя.

Я замираю. Нет, ноги продолжают идти, даже ускоряя свой темп, но всё внутри немеет.

В спину доносится смех. Колдер догоняет меня без особых усилий.

– Расслабься, девочка. – Он кладёт руку на моё плечо. Оно опускается под её тяжестью. – Я всего лишь хотел спросить, где Кэт. Вы ведь должны были приехать вместе?

Точно, о чём ещё меня можно спросить.

– Она уже в классе. И если ты перестанешь тратить время на то, чтобы допрашивать меня, возможно, успеешь поговорить с ней до начала урока.

Мир меняется в следующую секунду. Точнее становится прежним. Без Колдера.

Он просто уходит и скрывается в классе, оставляя меня проталкиваться сквозь учеников. Я со звонком захожу в кабинет и занимаю своё место позади Кэтрин.

Как только мистер Гувер – учитель английской литературы – заводит свою нудную речь, подруга поворачивается ко мне.

– Он только что сказал мне, что заберёт меня после школы, – радостно сообщает она.

– Это значит, мне не придётся ждать тебя полчаса у машины, и я смогу поехать домой одна? – шёпотом уточняю я.

Кэт закатывает глаза. Ей с лёгкостью удаётся проглатывать мои колкости.

– Да, – отвечает она.

– Супер.

– Но я вернусь, – с издевательской угрозой добавляет она и разворачивается на своём месте.

Несмотря на уговоры, за ланчем я села одна. Мне не хотелось повторять вчерашнюю ситуацию. И уж тем более наблюдать за флиртом Кэт и Колдера, который заметен даже издали. Их тела двигаются в неосознанном танце внимания, а глупые улыбки не сходят с лиц. При этом Кристофер выглядит ещё более не довольным, чем когда я сидела рядом. Не понимаю, в чём его проблема. Я видела, как после политологии к нему подходила Алиша. Всё что она получила – сдержанную улыбку, которую он натянул словно через боль.

Ничего из этого я не хочу созерцать вблизи.

Это была тишина. Та, которая наполнена звуками. Шёпотом деревьев. Разговорами птиц. Шагами дождя. Моим дыханием.

Я иду дальше. Дальше. Дальше. Пустой дом остаётся позади. Дом, где живёт моя душа встречает меня тёплыми объятиями елевых лап. Я сажусь на древнее заросшее мхом бревно. Я часто провожу время в лесу. В вечнозелёном. Вечно одинокая.

Достаю карандаш из волос и листаю альбом в поисках чистого листа. Случайно открываю место, где был портрет Колдера. Вместо него остался край порванной бумаги.

Он говорил со мной. Он касался меня.

Злясь на себя за эти мысли, нервно открываю чистый лист и подношу карандаш к бумаге. Рука висит в воздухе. Воздух гуляет в голове. Ничего не выходит. Внутри свербит беспокойство, скручивая пальцы. Карандаш в руке кажется чужим и непонятным инструментом. Я раздражённо рычу и закрываю альбом.

Теперь я лишена единственного способа выжить. Всё случилось слишком быстро и сразу. Уход мамы, переезд Кэтрин и пара новых странных парней, один из которых буквально признался, что собирается меня убить.

Я плетусь обратно домой. Изумрудные папоротники касаются моих ног. Я воображаю, что они не хотят меня отпускать. Но я слишком раздражена, чтобы сидеть на месте.

Я захожу в дом с заднего двора и мгновенно замираю. Голоса отскакивают от стен пустых комнат. Точнее они должны быть пустыми. Прохожу в гостиную и вижу уютно устроившуюся пару. Смотрю со стороны, словно на экран в кинотеатре. Кэтрин изящна и кокетлива, улыбается в нужных местах, хлопает ресницами. Колдер расслаблен и самодоволен. Я почти не чувствую себя. Кажусь лишней в собственном доме.

– Мэднесс!

Я вздрагиваю. Я была уверена, что меня не существует. Колдер лениво поворачивает голову в мою сторону. Его улыбка острая как бритва.

– Где ты была? – спрашивает Кэтрин. – Я звонила тебе, но оказалось, ты не взяла телефон. Я нашла его в твоей комнате.

– Я... гуляла.

– Где? – удивляется Кэтрин. В глазах Колдера сверкает заинтересованность. Он продолжает смотреть на меня. Пристально и долго.

– В лесу. Я рисовала. – В доказательство показываю свой альбом, в котором не прибавилось ни одного нового штриха.

– Снова меня? – Ухмыляется Колдер.

Я замечаю, как недоверие и испуг затемняют глаза Кэтрин.

– Не обольщайся.

Колдер равнодушно жмёт плечами и тянется к чашке, что стоит на кофейном столике. Их свидание перетекло в уютное чаепитие в моём доме, где нет взрослых. Обычно это ведёт к приятной ночи. Если бы не я.

Я колеблюсь несколько секунд, не зная, куда себя деть. Какого чёрта, это мой дом.

– Так вам понравился фильм? – из вежливости интересуюсь я. Натянутая нить неловкой паузы лопается.

– Да, – отвечает Кэтрин. – Всё прошло отлично.

– Рада слышать, – автоматически отвечаю я. – Что ж... Я пойду наверх. Нужно закончить домашнее задание.

Я разворачиваюсь.

– Мэд, подожди, – окликает меня Кэтрин. – Я тут подумала, почему бы нам не устроить вечеринку?

Хмуро смотрю на неё.

– Нам?

– Ну да. У тебя никого нет дома. Грех этим не воспользоваться!

– Нет, мы не будем устраивать вечеринку в моём доме.

– Я же говорил тебе, – вставляет Колдер, и я смотрю на него, не скрывая своего удивления.

– Неужели, умник? – язвлю я. – Тогда почему бы нам не устроить вечеринку в твоём доме?

Кэтрин открывает рот, чтобы мне возразить, но потом выдыхает тишину. Она натянуто поворачивается к парню и до смешного сдержанным голосом спрашивает:

– Колдер, твои родители не планируют уехать из дома в эту пятницу?

– Нет, детка, не планируют, – он отвечает ей в той же манере, и обе пары глаз вновь смотрят на меня.

– Видишь, ты наш единственный шанс. Ну, пожалуйста, – ноет Кэтрин. – Это будет крохотная такая вечериночка. Обещаю помочь тебе с уборкой.

Я вскидываю брови.

– Ладно, – сдаётся она. – Я беру всю уборку на себя.

В любой другой раз я была бы категорически против. Но теперь я находила в этом спасение. Пряталась в шуме и темноте, наблюдая за теми, кто ещё умеет жить.

– Хорошо, – я даю согласие. Разворачиваюсь и ударяюсь плечом о дверной косяк. Тупая боль пробегает по руке.

– Будь осторожней! – кричит мне вслед Колдер.

- Где же ты раньше был с этим советом.

ПЫЛЬ

--7--

Неделя приближается к концу. С каждым звонком с урока пятница становится всё ближе, а разговоров о вечеринке – всё больше.

- Помимо Колдера, разумеется, я планирую позвать Криса, – сообщает Кэтрин, пока мы идём по коридору на следующий урок. – Ты ведь не будешь против Брук и Алиши? Они не поймут, если я их не позову. Возможно, они скажут ещё парочке людей, но обещаю, больше десяти человек на вечеринке точно не будет.

- Звучит оптимистично...

- И да, нам нужно заехать в «Уолмарт», чтобы купить что-нибудь для вечеринки.

- Почему бы тебе не поехать с Колдером? – спрашиваю я. Не то чтобы мне сложно заехать с Кэтрин в магазин, но это была их идея. К тому же их сближение бьёт все скоростные рекорды. Может, именно это называют любовью? Все социальные рамки и сроки стираются, оставляя место лишь безграничному притяжению друг к другу.

Я знакома с Кэтрин достаточно хорошо, чтобы знать, что Колдер абсолютно не её типаж. Она встречалась только с лощёными мальчиками, которые изображали из себя элиту и видели для себя большое будущее. Я скорее представляла, что она ответит взаимностью Брайану Куперу. Но его излишний интерес к Кэтрин сыграл против него. Что касается Колдера... Он всем видом даёт понять, что ему плевать на всё вокруг, не говоря уже о своём будущем. Он ездит на откровенном металлоломе и одевается достаточно просто. Неприветливый и отталкивающий, с ней он становится другим. Точнее, таким же как все парни, которые были у Кэтрин. Мягким и заботливым, будто она хрупкое

прекрасное создание.

Иногда мне так тоже кажется. Кэтрин воплощение женственности. Не пошлой и натянутой, а естественной и притягательной.

И вот буквально на третий день знакомства они уже воркуют на диване в моей гостиной. Это одна из тех вещей, которую я никогда не пойму. Максимум, что я могу предположить, что им движет желание поскорее залезть Кэт в трусы и моментально завоевать громкую славу, избавившись от статуса «новичка».

- Он сказал, у него дела после школы.

Не очень убедительно.

- Хорошо, - соглашаюсь я. - После уроков возле моей машины. И не опаздывай. - Я угрожающе указываю на неё пальцем и исчезаю в кабинете.

Кэтрин ведёт себя так послушно, словно она маленькая девочка в ожидании заветного подарка на день рождения. Я имею в виду, она сговорчива и пунктуальна. Она оказалась у моей машины раньше меня. Даже в супермаркете она умудрилась сделать всё быстро.

- Теперь нам нужно заняться домом, - сообщает Кэтрин после нашей поездки в магазин.

- Повесить замки на спальни? - Выгибаю бровь.

- Это тоже, - машинально отвечает она, не вникая в мои слова. - Но я имела в виду декор. Нам нужно украсить комнату.

- Да брось. До хэллоуина ещё долго. Что ты собираешься делать?

- Может, у тебя есть гирлянда? - спрашивает Кэтрин. - Вроде той, что висит у тебя в комнате. Мягкий и приглушённый свет создаст нужную атмосферу.

Я задумываюсь.

– Кажется, на чердаке была коробка с ёлочными игрушками.

. Может, там есть гирлянда.

Наш с мамой маленький дом находится в самом конце улицы на границе с лесом. В веренице горящих и жизнерадостных домов, наш заключал цепь, словно перегоревшая лампочка.

– Кажется... Может... – усмехается Кэтрин. – Ты так говоришь, как будто новый год бывает раз в десять лет.

Я пожимаю плечами, не желая вдаваться в подробности.

– Пошли. – Кэтрин подпрыгивает с места. Её энтузиазм ударяет меня током, когда она касается моей руки. – Поищем таинственную коробку с игрушками.

Мы поднимаемся на второй этаж и опускаем выдвижную лестницу с потолка. Она бесконечно уходит во тьму.

– Я принесу фонарик, – говорю я и быстро забегаю в свою комнату. В прикроватной тумбе помимо карандашей я всегда храню фонарик. Мои походы в лес частенько затягиваются, а из-за постоянной пелены из тумана и туч, световой день достаточно короткий.

Вернувшись к Кэтрин, я запускаю луч света вверх, и темнота мгновенно проглатывает его.

– Ты первая, – пищит Кэтрин.

Не люблю чердаки и подвалы. Места, где ты реже всего бываешь, всегда кажутся чужими и опасными. Но я всё же поднимаюсь по скрипучей лестнице, устремляя луч фонарика вперёд. Свет выхватывает из темноты кучу хлама и забытых вещей. Я вдыхаю пыль и запах детских воспоминаний. Совсем давних, ещё из другого мира.

– Что-нибудь нашла? – Голос разрушает хрупкую картину. Кэтрин поднимается на чердак следом за мной и встаёт рядом.

Я подавляю вздрагивание.

– Да, должно быть в одной из этих коробок. – Я указываю лучом света на скопление картона в дальнем углу чердака.

Кэтрин достаёт из заднего кармана джинсов телефон и включает на нём фонарик. Я чувствую себя немного глупо и старомодно, стоя со своим доисторическим предметом в руках.

Мы идём к коробкам, оставляя за собой следы на пыльной поверхности. Кэтрин не теряя времени ныряет в одну из коробок с неизвестным мне содержимым.

– Ты только посмотри! – Восторг звенит в пыльной темноте. – Какая крохотная розовая футболочка. Уверена, ребёнком ты была куда милее, чем сейчас, – подтрунивает Кэт.

– Просто тогда у меня не было права голоса.

Берусь за другую коробку. Она полностью забита старыми книгами. В маминной спальне стоит книжный шкаф. Странно, что они не там. Достаю одну из них. Она трепещет в моих руках, грозя развалиться. Бумага пожелтела и практически полностью истлела. Я смахиваю толстый слой пыли с обложки. «Завещание Соломона».

Откуда на нашем чердаке книги по магии?

– Что там у тебя? – Кэтрин направляет свой телефон в мою сторону, и на секунду ослепляет меня.

Я судорожно прячу том обратно.

– Ничего. Просто книги.

Я замечаю, как Кэтрин морщится, перед тем как потянуться к следующей коробке. Меня сразу привлекает предмет, торчащий на поверхности. Это дощечка. Странной изогнутой формы дощечка, исписанная витиеватыми буквами.

– Спиритическая доска! – Радость Кэтрин резонирует с моим полным замешательством. Я не помню, чтобы у нас когда-нибудь была эта штуковина. – Я знаю, чем мы займёмся на вечеринке! К чёрту эти банальные игры в «Правду или желание». Поищи, там где-то должна быть планшетка, – говорит Кэтрин, пока вертит в руках доску.

Я машинально выполняю её просьбу и заглядываю в коробку. Простое замешательство сменяется шоком. Я вижу хрустальный, мать его, шар, под ним колода красочных карт Таро. На дне лежат разноцветные кристаллы причудливой формы, свечи, записная книжка в тонкой кожаной обложке и планшетка, которую я достаю и отдаю Кэтрин.

Что это? Набор для начинающего экстрасенса?

– Отлично, спасибо, – благодарит девушка и тянется за другой коробкой. – О, кажется, я вижу гирлянду.

Пользуюсь тем, что Кэт полностью переключила своё внимание на коробку с ёлочными игрушками, я снова заглядываю внутрь своей, убеждаясь в том, что увидела. Может, в записной книжке найдутся ответы? Я беру в руки потрёпанную тетрадь и задвигаю коробку куда подальше. Но отодвинуть тревожные мысли не получается. Я даже не могу позвонить маме и спросить её об этом. Может, когда-то она увлекалась гаданием, но осознав, что это ерунда, решила забросить? Однако с учётом такого количества книг, на мимолётное увлечение это не похоже.

– Всё, давай убираться отсюда. – Кэтрин отвлекает меня от раздумий. – Я нашла всё, что нужно. Даже больше. – Она прижимает спиритическую доску под мышкой и направляется к выходу.

Ещё несколько секунд смятение удерживает меня на месте, но потом я спешу покинуть тёмный чердак.

ИГР?

--8--

– Я убью тебя, Кэт.

После лесной тишины я попадаю в настоящий хаос. Музыка зашкаливает, количество людей пугает. Развешанные по периметру комнаты фонарики окутывают пространство тёплым жёлтым светом, в потолке, словно разноцветные облака, висят воздушные шары. Кэтрин удалось создать атмосферу праздника, и я бы расслабилась, если бы этот праздник не происходил в моём доме.

Я поднимаюсь в свою комнату, чтобы переодеться. Стоит захлопнуть дверь, как тишина хватается меня в свои объятия и затягивает в мир одиночества и покоя. Я почти поддаюсь искушению остаться здесь и лечь в свою кровать, но понимаю, что мне необходимо уйти от самой себя.

Я надеваю свободную кофту и джинсовые шорты, потому что внизу становится действительно жарко. Смотрю в зеркало на свои бледные ноги в синяках. Не самое лучшее зрелище. Решаю натянуть гетры и только после этого спускаюсь вниз.

Люди разбиты на кучки в разных углах гостиной. Я замечаю Кэтрин на диване. Рядом с ней сидит Колдер. Его рука по-свойски закинута на её плечо, а второй он держит красный стаканчик.

– Кэт, – говорю я, подойдя ближе.

Я замечаю Кристофера, который сидит в кресле особняком ото всех. Ото всех – это от Брук, Алиши и, о боже, Брайана Купера.

– Эй, а вот и хозяйка! – Брайан смотрит на меня, но мне кажется, видит перед собой совершенно другого человека. В его глазах отражаются десятки огоньков. – Зачётная туса, мне нравится, как ты всё устроила. – Он хватает меня за запястье и тянет вниз. Я сажусь рядом с ним на пол, и он тут же вручает мне стаканчик спиртного.

– Спасибо, – в смятении бормочу я. – Это заслуга Кэтрин. – Я смотрю на девушку, вкладывая в свой взгляд всё недовольство.

Она лишь показывает мне язык, а я закатываю глаза и делаю глоток того, что было в стаканчике. Нужно как можно скорее отделить себя от мыслей и чувств.

– А что насчёт развлекательной программы? – Брайан наклоняет голову, чтобы посмотреть на меня. Я чувствую, как от него изрядно несёт алкоголем. Мне становится понятна причина его внезапного внимания ко мне. Его игривый взгляд говорит о двусмысленности вопроса. Почему он спрашивает меня? Я только что сказала, что за всё отвечает Кэтрин.

– Как насчёт бутылочки? – предлагает Алиша. Она мимолётно облизывает губы, задерживая свой взгляд на Крисе. Он восседает абсолютно невозмутимый, делая очередной глоток из стаканчика. Парню явно скучно.

– Я ещё не достаточно пьян для этого, – бормочет он.

– У меня есть предложение поинтереснее, – говорит Кэт. – Я сейчас. – Она встаёт с дивана и исчезает в толпе. Но я уже знаю, с чем она вернётся.

– Мэдди, как так вышло, что я не видел тебя раньше? – спрашивает Брайан. Начинается стадия банальных фраз.

Брайан позволяет себе приобнять меня за плечи. Помимо тяжести его руки, я ощущаю тяжесть взгляда. В меня вонзаются синие глаза Колдера. Он наблюдает за мной, за тем, как рука Брайана соскальзывает с моего плеча и оказывается на талии. Холодная синева темнеет, его желваки играют. Я не понимаю, чем так раздражаю его.

– Вообще-то мы виделись, – отвечаю я Брайану, решив не обращать внимания на Колдера. Я немного отстраняюсь от парня, убирая его руку от себя. – Мы даже вроде как разговаривали. На твоей вечеринке в прошлую пятницу.

– Круто. – На его симпатичном лице сияет белоснежная улыбка.

И хоть я никогда не хотела признаваться в этом самой себе, Брайан всегда казался мне внешне привлекательным. Но он был слишком недосыгаем для меня, так что я даже запрещала себе о нём думать. Гейб был его другом, а я – другом Гейба. Но он никогда не брал меня с собой в мужскую компанию. Может, стыдился того, что дружит с девчонкой. Или боялся, что все подумают, что он встречается со мной. Как бы там ни было, он всегда был чертой между мной и миром людей.

– Та-дам! – Появляется Кэтрин со спиритической доской в руках. Она стоит перед нами в лёгком коротком платьице, заставляя забыть о том, что на улице конец сентября. – Мальчики, отодвиньте столик, мы сядем в круг на полу.

Брайан и Колдер живо реагируют на её просьбу и отодвигают кофейный столик, на котором стоит куча бутылок с виски и пивом в сторону. Я молюсь, чтобы ничего из этого не опрокинулось и не разлилось на ковёр. Кто-то из гостей задевает стол, и моё сердце замирает.

– Сорри. – Худощавый парнишка поднимает руки вверх в извиняющемся жесте. Он едва стоит на ногах. Я не могу его вспомнить, и предполагаю, что этот юнец наверняка из младшего класса. Я и представить не могла, что в моём доме соберётся чуть ли не половина старшей школы.

Мы устраиваемся поудобней на полу вокруг спиритической доски. Даже Кристофер спускается со своего Олимпа и изображает что-то вроде заинтересованности. Он с выжиданием смотрит на меня, после чего перекидывается взглядом с Колдером.

Я остаюсь сидеть на своём месте рядом с Брайаном, но что меня больше всего удивляет, так это то, что Колдер умудрился поймать момент и сесть по другую руку от меня. Я чувствую себя зажатой в тески с двух сторон, лёгкие сдавливают, и становится тяжело дышать.

– Колдер, подвинься, я сяду рядом с Мэднесс. – Кэтрин втискивается между нами, заставляя тем самым парня отодвинуться.

– В чём дело, детка? – не понимает он, но позволяет ей сесть со мной.

– Вы, ребята, что, не смотрели «Зачарованных»? – Она округляет ореховые глаза. – Давай, Алиша, поменяйся местами с Брайаном.

– Эм... нет, – отвечает она, накручивая прядь волос на палец. – Я останусь здесь.

Алиша сидит рядом с Кристофером, и я понимаю её нежелание пересаживаться.

– Вали, Брайан. – Брук подхватывает идею Кэт и встаёт на ноги. – Не мешай силе трёх.

Парень нехотя поднимается, уступая ей место. Он с недовольством что-то бормочет себе под нос.

– Вы серьёзно рассчитывайте вызвать духа на вечеринку? – усмехается Кристофер. – По-вашему его не спугнёт такое количество народа?

– Кто знает, – загадочно отвечает Кэт. Наверняка, она что-то задумала. Я уже знаю, кто будет двигать планшетку, а потом притворяться, что она не при чём.

Мы одновременно кладём руки на указатель. Есть в этом что-то неправильное.

– Дух, ты здесь? – спрашивает Кэтрин.

Я подавляю улыбку. Зато слышу смешок Брайана. Пока мы ждём ответа, я смотрю на ребят. Алиша и Брайан пылливо уставляются на доску. Но Колдер с Кристофером наблюдают за мной.

«Что?» – мои губы изображают беззвучный вопрос.

– Дух, ты здесь? – снова спрашивает Кэтрин монотонным голосом.

Внезапно планшетка начинает двигаться. Мой взгляд притягивается магнитом вниз. Стрелка уверенно движется к слову «Да».

– Очень страшно. – Алиша манерно закатывает глаза. – Признавайтесь, кто из вас это сделал?

– Это не я! – выпаливает Брук. Она действительно выглядит сбитой с толку. Девушка уже в шаге от того, чтобы поверить в приведений.

– И не я, – говорит Кэтрин.

Все тут же обращают свои взгляды на меня.

– Воу. – Я шарахаюсь от планшетки, на которой остались лишь мои руки. – Я уж точно не буду заниматься таким бредом.

– Значит, продолжаем, – решает Кэтрин. – У кого какие вопросы?

– У меня, – оживает Брайан. – С кем я сегодня пересплю?

– Да пошёл ты, Купер, – огрызается Брук. Ей тяжело принять отсутствие внимания со стороны Брайана. – Ты можешь переспать с любой, с кем захочешь, для этого не нужно спрашивать духа.

– Вот как? – скалится он. – Пойдёшь со мной в спальню прямо сейчас? Или, может быть, ты, Мэдди? – Он смотрит на меня, а меня обдаёт кипятком.

– Мэд, – машинально поправляю я и закрываю глаза от собственной глупости.

– Это значит «да»? – подначивает Брайан.

Я открываю рот, чтобы ответить что-нибудь дерзкое, но вместо моего голоса слышится низкий тембр Колдера.

- Это значит, оставь её в покое.

- Чёрта с два, Макалистер!

Воздух электризуется и потрескивает. Я вижу, как напрягаются мышцы Колдера, он готов наброситься на Брайана.

- Колдер, остынь, - говорит Кристофер.

- Эй, парни, - подхватывает Алиша, - девочек на всех хватит.

- Но не на всех хватит парней, - замечает Брук, и я чувствую волну негатива в свою сторону.

- Давайте спросим, кто сегодня лишний? - предлагает Алиша. Она заговорщицки переглядываются с Брук. Я понимаю, что речь обо мне, и уже близка к тому, чтобы вскочить с места и скрыться в своей комнате. Слишком долго я нахожусь среди людей.

- Хватит. - Голос Кэтрин звучит с недовольством. - Вы, ребята, действительно хотите задать духам такие глупые вопросы? - Она смиряет взглядом каждого по очереди.

- Придумай вопрос сама, - огрызается Алиша.

- Легко. Как умрёт Алиша? - Кэтрин кладёт руки на планшетку. Я понимаю, что это маленькая месть за меня. Спасибо, Кэт.

- Эй! - пищит Алиша. - Я не хочу этого знать. Почему бы тебе не спросить про себя?

- Этого всего лишь игра, - не выдерживаю я. Неужели они верят, что сейчас мы контактируем с духами? - Может, уже подвигаем указатель по буквам и закончим с этим?

– Тогда спроси, как ты умрёшь. – Она складывает руки на груди.

Я закрываю глаза, кладя ладони на планшетку. Следом моих пальцев касаются Кэтрин и Брук. Голоса ребят затихают. Даже слишком. Мне кажется, что все звуки вокруг превращаются в приглушённый гул.

– Как я умру? – спрашиваю я вслух. Кажется, что мой голос звучит где-то в голове.

Ничего не происходит.

. А потом планшетка трогается. Я не открываю глаза. Что-то удерживает меня от этого. Мои руки продолжают двигаться по доске, задерживаясь на буквах. Я их не вижу. Но слышу.

– К, – звенит хор голосов.

Я хочу остановиться, но указатель всё равно двигается.

– О.

Затем звучит Л.

Д.

Е.

Р.

Буквы эхом звучат одна за одной, пока указатель не замирает на месте. Все будто разом задерживают дыхание.

Колдер.

ПОХОЛОД?НИЕ

--9--

Я в ужасе смотрю на Колдера. На его уставшем лице нет удивления. Губы искривляются в безумной улыбке.

Это всего лишь игра.

– Отлично. – Кэтрин поднимается на ноги. – Колдер может убивать тебя, – она изображает кавычки, – сколько угодно. Я не собираюсь на это смотреть.

Она разворачивается и уходит.

Я тону в океане непонимания. Повсюду лица. Брайан, Кристофер, Алиша, Брук, Колдер, Колдер, Колдер. Это всего лишь игра. Но я до сих пор чувствую привкус страха на языке. А Кэтрин обижается на чью-то шутку.

Брук. Я почти уверена, что это она двигала планшетку. Она хочет рассорить Кэтрин с Колдером и заодно со мной. Она с самого начала дала понять, что считает меня лишней в их компании.

Я догоняю Кэтрин на лестнице.

– Что за спектакль? – спрашиваю я.

– Это ты мне скажи. Сначала ты рисуешь моего парня, потом он за тебя заступается, и ты пишешь его имя на доске! Что между вами происходит, Мэднесс?

Её парня? Я будто лечу в свободном падении. И падаю.

- Н-ничего! - заикаюсь я.

Ударяюсь о землю, вспоминая, где моё место.

- Это ты меня втянула в свою жизнь! Я не просила тебя знакомить меня с Колдером, не просила приводить в мой дом людей и делать вид, что я одна из вас.

- Я сделала тебе одолжение! - Её голос заглушает музыка. Он поселяется в моей голове и эхом звучит где-то вдалеке.

Значит, её дружба одолжение.

Мне нет места в собственном доме. Я молча оставляю Кэтрин стоять на лестнице. Даже моя комната не станет спасением. Я хватаю парку, натягиваю ботинки и выбегаю из дома. Сначала мне хочется сесть в свою машину и уехать, но я пока не планирую кончать жизнь самоубийством. А после выпитого с восприятием реальности у меня проблемы.

Я огибаю дом и иду напрямик через задний двор. Через несколько метров меня проглатывает темнота. Я поздно понимаю, что не взяла с собой ни фонарик, ни телефон. Через несколько минут глаза привыкают к темноте, но всё, что я вижу, это слабые серые наброски деревьев. Небо чернее земли. Тишина уже создала кокон вокруг меня. Страх и умиротворение балансируют на чашах весов.

Я несколько раз спотыкаюсь о корни деревьев. Ночью лес не такой дружелюбный. Но я продолжаю идти. Обида и упрямство заставляют меня уходить всё дальше от дома.

Проходит одна минута, а может час. Ноги перестают слушаться меня и, споткнувшись об очередной корень, я падаю на землю. Я царапаю ладони и запястья о ветки. Слабое жжение кажется самым сладким чувством, потому что это единственное, что я могу чувствовать. Лежу на сырой земле, кутаясь в листву. Туман становится мне одеялом.

Мне уже не холодно, потому что моё тело – холод. И когда горячие подушечки пальцев касаются моей щеки, они оставляют ожоги.

– Мэднесс.

Голос Колдера мягким бархатом накрывает меня. Здесь в небытие я могу наслаждаться им. Не бояться его.

– Мэднесс, открой глаза.

Зачем? Снова вернуться в реальность и чувствовать себя лишней?

– Я сказал, открой глаза. – Его голос властный и жёсткий. Я не могу не подчиниться.

Я открываю глаза. Потом ещё раз. И ещё. Темнота не исчезает, пока я не понимаю, что она вокруг меня. Я не вижу Колдера. Но я чувствую его совсем рядом.

– Как ты меня нашёл? – спрашиваю я. Мой голос дрожит, как и моё тело. Мне холодно. Я тянусь к теплу, мне хочется прижаться к чему-то живому.

– Не сложно догадаться, – отвечает Колдер.

Его британский акцент слышится более отчётливо. Так происходит всегда, когда он выпивает. Он выпрямляется, немного пошатываясь, и протягивает мне руку. В этот раз я принимаю её, потому что не в состоянии подняться сама. И хотя Колдер сам стоит на ногах не слишком уверенно, он с лёгкостью поднимает меня с земли.

– Ты снова покалечилась, – подмечает он.

Я вырываю свою руку. Здравый смысл ещё теплится где-то на задворках сознания. Мы одни в лесу. Его угрозы и эта глупая игра. Идеальный момент для исполнения предсказания.

Я срываюсь с места. Просто бегу. Когда его шаги слышатся позади, сердце готово взорваться. Я не успеваю дышать. Ноги заплетаются, и я обессилено падаю на землю.

- Даже не пытайся от меня убежать, девочка. - Колдер оказывается надо мной. Он вжимает меня в землю, у меня нет шансов сопротивляться. - Ты же видела, что сказали тебе духи, - издевательски произносит он. - Я - твоя смерть.

Из его уст это звучит почти как спасение. Избавление.

- Колдер, я ничего не понимаю, - шепчу я. - Почему ты это делаешь?

- Ты даже не представляешь, сколько боли мне причинила, Белоснежка. - Он облизывает свои губы. Его взгляд блуждает по моим. Он опускается так близко, что мне начинает казаться, будто Колдер хочет меня поцеловать. Я вдыхаю предвкушение и задерживаю его внутри. Ночь играет со мной злую шутку.

- Колдер, ты пьян. Я понятия не имею, что ты несёшь. - Я упираюсь ладонями в его грудь и пытаюсь оттолкнуть.

- Это всё, на что ты способна? - Он хватает меня за подбородок и заставляет посмотреть на себя. - Где же твои магические фокусы? Мне казалось, получить тебя будет сложнее.

Я окончательно теряю ход его мыслей. Он слишком много выпил, чтобы пытаться разговаривать в здравом ключе.

- Колдер, что ты хочешь от меня? - почти молю я.

- Скажи, где твоя мать? - Он ударяет меня головой о землю.

- Что? - Его вопрос вводит меня в ступор.

- Где она? - жёстко повторяет Колдер.

- Я не знаю.

– Мэднесс, скажи мне правду, и у нас обоих будет меньше проблем. – Его горячая рука скользит по моему оголённому бедру. Я жажду тепла.

. Колдер раздвигает мои ноги, оказываясь между ними.

– Я не знаю, – повторяю я.

– Спрошу по-другому, – пропевает Колдер. Он приподнимается и тянется правой рукой в задний карман своих джинсов. В следующую секунду ночь разрезает лезвие ножа.

Я не держусь за жизнь. Но проклятое чувство долга заставляет меня начать вырываться с новой силой. Я елжу по земле под ногами Колдера. Крик раздирает мою глотку, но я молчу, зная, что меня никто не услышит.

Холодное лезвие касается моей шеи, и я замираю, понимая, что лишние движения могут сработать против меня.

– Отвечай, – требует Колдер.

– Я говорю правду! Я не знаю, где моя мама. Я даже позвонить ей не могу. Она оставила мне записку, со словами, что ей нужно уйти. Это всё.

Тишина становится тяжёлой и давит на мою грудь. Секунды вязко перетекают в минуты. Наконец Колдер убирает нож от моего горла. Я с облегчением закрываю глаза. Но теперь я чувствую на коже что-то тёплое и мягкое. Его губы касаются моей шеи, а потом он кусает меня.

На какое-то мгновение я допускаю безумную мысль, что он долбаный вампир, а связь с реальностью окончательно теряется. Звонит телефон, и я вздрагиваю.

Колдер смеётся мне в шею и отстраняется.

– Испугалась?

Он отстраняется и достаёт телефон. Свет экрана освещает его лицо.

– Да, – отвечает он. – Да, она со мной. – Я понимаю, что речь идёт обо мне. Кто ему звонит? Кэтрин? – Нет, она не знает, где она. – Не Кэтрин. – Я думаю над этим. Она ещё может пригодиться. – Наши взгляды встречаются. Губы Колдера ломаются в усмешке. Он проводит ножом между моих грудей, и если бы не кофта, я бы уже истекала кровью. – Тебе нравятся брюнетки?

ОТЧУЖДЕНИЕ

--10--

Я жива.

.

Колдер включает героя, как только мы преступаем порог моего дома.

– Я нашёл её, – объявляет он.

Ко мне тут же бросается Кэтрин и душит в отчаянных объятьях.

– О боже, Мэднесс! – тараторит она. – Я так боялась, что с тобой что-нибудь случится. – Кэтрин ещё крепче прижимает меня к себе, и я почти задыхаюсь между её крохотных грудей. – Я не хотела тебе всё это говорить. Прости меня.

Я отстраняю от себя девушку, хмуро глядя за её спину.

– Где все? – спрашиваю я.

Сколько меня не было?

– Разошлись. Кто-то поднял шумер, сказал, что сюда едут копы, – объясняет она заплетающимся языком. – В любом случае я планировала закругляться.

– Супер, – отзываюсь я, уже направляясь к лестнице. Меня трясёт от холода.

– Ты ведь не злишься на меня? – кричит мне вслед Кэтрин.

– Поговорим завтра, – отвечаю я.

Злюсь ли я на Кэтрин? Нет. Я никогда не ждала от неё больше чем то, что у нас было.

Я закрываюсь в ванной и включаю горячую воду. Когда всё тело дрожит от холода, снимать одежду кажется абсурдом, но я перебарываю себя и спешу забраться в ванну. Опускаюсь на дно, пока вода медленно поднимается выше. Ещё немного и мокрое одеяло накроет меня с головой.

Когда я согрелась и почти уснула, решаю закончить с этим и пойти в свою комнату. Обматываюсь в полотенце и крадусь по коридору. В доме привычная тишина, и мне сложно поверить, что ещё пару часов назад здесь собралась целая толпа. В комнате я скидываю полотенце, нащупываю комод и достаю старенькую футболку, в которой привыкла спать. Она настолько велика мне, что практически достаёт до колен. Застиранная ткань привычно прикасается к коже, вызывая сладкие воспоминания со вкусом горечи.

Я подхожу к кровати и забираюсь под одеяло, с ужасом понимая, что я не одна. Темнота рисует в голове самые страшные кошмары, и я с криком выскакиваю из кровати. Включив свет, морщусь от боли в глазах и постепенно вижу тело, замотанное моим одеялом.

– Брайан?! – удивляюсь я.

– Выключи свет, – стонет он, натягивая одеяло на голову.

– Что ты здесь делаешь?

– Отрываюсь, – приглушённый голос доносится из-под одеда.

Боже, он абсолютно невменяем.

- Брайан, ты в моей кровати.

- Супер, - бормочет он в подушку. - Ты уже раздета?

Я возвожу глаза в потолок. У меня нет шансов. Всё что мне остаётся, это столкнуть его с кровати и оставить лежать на полу (что я почти делаю), но что-то похожее на сочувствие

останавливает меня и заставляет покинуть собственную комнату и отправиться спать в мамину спальню.

Я выхожу из комнаты, выключая попутно свет, и тут же наталкиваюсь на новую преграду. У темноты появляются руки, они хватают меня за плечи, и я не дышу, пока не понимаю, что это Колдер.

- Не трогай меня. - Я пытаюсь вырваться из хватки его рук и моих мыслей, которые непроизвольно вернулись к нашей встрече в лесу.

- Тс-с, - шипит он и, продолжая впиваться пальцами в мои плечи, прижимает к стене. - Я слышал, что ты кричала.

- Подумал, кто-то решил убить меня раньше тебя?

Я не вижу его лица, но слышу, как с его губ срывается смешок, рисуя в моей голове улыбку.

- Никто не сделает это кроме меня. Обещаю.

- Это обнадеживает. - Снова дёргаюсь и оказываюсь прижатой к стене ещё сильнее.

- Что случилось? - спрашивает Колдер. Это пьяное любопытство или что?

– В моей кровати лежит Брайан, мать его, Купер. Передай Кэтрин, что теперь я официально на неё злюсь.

– Парень едва держался на ногах, – вдруг начинает заступаться Колдер – только не понятно, за Кэтрин или Брайана. – Не могли же мы дать ему сесть за руль.

Похоже на очередную попытку Кэтрин свести меня с кем-нибудь и отвлечь от её ненаглядного Колдера. Поэтому непременно нужно было уложить его в мою кровать.

– Ага. Хорошо. – Постепенно мне становилось больно. – А теперь отпусти меня, я хочу спать.

– Колдер? – Кэтрин выходит из соседней комнаты. Тусклый свет позволяет увидеть её стройную фигуру в одном нижнем белье. Она сонно потирает глаза. – Всё в порядке?

– Мэд обнаружила тело Брайана у себя в кровати, – весело объясняет он. – Возвращайся в кровать, детка. Я сейчас приду.

– Поторопись, милый. Без тебя мне холодно.

Я с трудом сдерживаю рвотный позыв. И что-то подсказывает мне, что дело не в выпитом алкоголе.

– Убейте меня, – бормочу я, закатывая глаза, и только потом понимаю, что значит эта фраза в рамках разговора с Колдером.

– С удовольствием, – шепчет он мне на ухо и прикусывает изгиб моей шеи. Боже. Он делает это практически при Кэтрин. Нужно быть последней сволочью, чтобы так поступать.

Колдер исчезает раньше, чем я успеваю открыть глаза, оставляя меня слушать бешеный стук своего сердца. Это был уже не только страх. Что-то ещё скрывалось под парализующим испугом. Что-то, что я не могла и не хотела

понимать.

В маминной кровати я снова вспоминаю о ней. Как долго её не будет? И почему? Сколько должно пройти времени, чтобы начать волноваться?

И почему Колдер спрашивал о ней?

Как и те двое.

Кого я обманываю. Я волнуюсь за неё каждый день. Неведение парализует панику, строит дамбу, удерживающую поток чувств. Но однажды она не выдержит, и меня накроет цунами из тоски и боли.

Я не сплю практически всю ночь. Организм борется с алкоголем, а разум с мыслями. Проиграв битву и с тем и с другими, я встаю на рассвете и спускаюсь на кухню. Чёрный кофе вернёт мне ощущение бодрости.

Я сижу за кухонным столом среди ужасного бардака, который Кэтрин грозила убрать. Я не отстану от неё, как только она откроет глаза. За окном моросит. Осторожно. Мой утренний ритуал тишины нарушают шаги. Мужская фигура мелькает мимо дверного проёма, а потом резко возвращается обратно, задерживая на мне растерянный взгляд. Затем парень щурится, присматриваясь ко мне.

– Уоррен? – удивляется Брайан.

– И тебе доброе утро, Брайан. – Невозмутимо делаю глоток. Для полной картины мне не хватает утренней газеты. – Хорошо спалось на моей кровати?

– Ага... – Парень проходит на кухню, почёсывая затылок. Его футболка задирается, оголяя весьма неплохой живот. – Подожди, на твоей? То есть мы с тобой... – Вместо слов он указывает на нас пальцем.

Мне не нравится его шокированный вид. Будто я ошибка всей его жизни.

– А ты как думаешь? – дразню я.

– Эм... – Брайан морщится. – Если честно, последнее, что я помню, это «Правду или действие», когда Крис заставил выпить меня «паровозик» из шотов. От одной мысли снова становится плохо. – Он подносит кулак ко рту.

Я пропустила много интересного. Впрочем, как обычно.

– И как ты думаешь, в таком состоянии ты смог бы переспать со мной?

– Хорошо подметила. Это мало вероятно. – Брайан кивает, будто соглашаясь с самим собой. – Но спали мы всё равно в одной кровати? – обеспокоено уточняет он.

– За кого ты меня принимаешь? Я бы не за что не воспользовалась твоим состоянием. – Обезоружено вскидываю руки.

На заспанном лице Брайана появляется бодрая улыбка.

– Да ты редкая птица, Уоррен, – усмехается он. – В любом случае, прости, что занял твою кровать. Э-э, увидимся в школе, – добавляет он и выходит из кухни. Я слышу, как хлопает входная дверь, и заводится мотор его пикапа.

Вау. Я разговаривала с Брайаном Купером.

Теперь, когда моя кровать свободна, я теплю надежду, что мне удастся поспать ещё несколько часов. Всё равно этот день уже можно вычеркнуть из жизни.

СНЕГ

--11--

Стук в дверь символический. Уже через две секунды она распахивается, и ко мне в комнату входит Кэтрин.

– Проснись и пой, соня, – звонко говорит она.

Полагаю, что в тёплых объятьях Колдера ей спалось куда лучше, чем мне. Попытаться уснуть во второй раз стало ошибкой. Потому что я уснула. И теперь голова раскалывается.

– Сколько время? – бормочу я.

– Два часа. – Кэтрин ставит кружку кофе на тумбочку и садится на край кровати. – Мэднесс, я правда сожалею о том, что сказала тебе вчера. Я много выпила, и Колдер, он... – Она запинается.

– Он что? – Сердце, словно беспокойная птица, затрепыхалось в грудной клетке.

– Он закрыт от меня.

– Кэтрин, вы знакомы всего неделю...

– Да, я понимаю. – Она трясёт головой, как будто отгоняя навязчивую тоску. – Но мы так быстро пошли на сближение, меня к нему тянет, понимаешь?

Я пугаюсь собственных мыслей. Мне пора всерьёз задуматься о своём психическом состоянии, если меня тянет к маньяку.

– Иногда он даже пугает меня, – продолжает Кэтрин.

– Пугает? – В моём голосе звучит надежда. Может, он и правда социопат-убийца.

Кэтрин кивает.

– Да, он... он такой привлекательный. Я имею в виду, есть в нём что-то, что заставляет меня... хотеть его. – Кэт улыбается. – Чёртов демон-обольститель.

– Окей, я поняла. Избавь меня от подробностей.

Я вскакиваю с кровати и выхожу из комнаты, направившись в ванную.

– В общем, я просто немного психую из-за своего положения. – Кэт идёт следом за мной. – Я не привыкла бегать за парнями, а Колдер... он для меня загадка. Мы вроде бы вместе, но в то же время он... как будто не со мной, понимаешь? – Она с надеждой обращается ко мне.

– Поэтому ты решила, что он со мной?

– Не то чтобы... Мэди, прости меня, ладно? – выдыхает она.

– Ладно, – бросаю я. До спасения остаётся пара шагов.

– Кстати, что насчёт Брайана? Вы спали вместе? – спрашивает Кэтрин, всё ещё преследуя меня.

Я резко останавливаюсь и поворачиваюсь к ней.

– Кстати насчёт Брайана, – повторяю я. – Какого хрена он вообще делал в моей кровати?

– А куда ещё я должна была его положить? – не понимает Кэтрин.

– Хотя бы на диван в гостиной.

– Он вырубился раньше, чем все разошлись.

– Ладно, забудь. – Я захлопываю дверь ванной комнаты перед её носом.

Через десять минут, когда я умылась и привела себя в подобие порядка, я спускаюсь на кухню. Попутно замечаю, что в доме чисто, будто ничего и не было. На кухне меня ждёт Кэтрин. Она приготовила завтрак и с широченной улыбкой ставит на стол тарелку с глазуньей, как только видит меня.

– У меня для тебя хорошие новости.

– Ты съезжаешь? – спрашиваю я только потому, что не могу удержаться от сарказма.

– Да! – к моему удивлению отвечает Кэт. – Мне только что позвонил отец, – поясняет она, когда видит моё недоумение. – В общем, он сказал, что они очень скучают по мне и готовы обсудить мои планы. В конце концов, поступить можно будет и на следующий год.

– Рада слышать, – отвечаю я. И вполне искренне. – Тебя подбросить?

– Нет, спасибо. Папа заедет за мной. – Кэтрин опускает глаза в тарелку, борясь с лёгким стеснением. – Спасибо, что позволила мне пожить у тебя. Я это очень ценю. Но мне в любом случае пришлось бы вернуться домой. Наверное, скоро закончится отпуск твоей мамы.

– Да, – слово небрежно падает на стол. – Скоро, – едва выговариваю я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/fogel-_ana/umri-so-mnoy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)